

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

НОВОЗАВЕТНЫЙ АПОКРИФ ИЛИ СТИХОТВОРЕНИЕ СИРИЙСКОГО ПОЭТА?
(к изучению сирийско-арабских культурных связей).

Памятник, о котором пойдет речь в настоящем сообщении, хорошо известен: именно он содержится в одной из наиболее ранних датированных арабских рукописей,¹ рассказом о нем открывает свою книгу "Над арабскими рукописями" И. Ю. Крачковский. "Передо мной на столе, — пишет он, — пять листов пергамена — все, что осталось от большой когда-то рукописи. Но эти листки и теперь бесценны".²

Замечательному памятнику арабской письменности И. Ю. Крачковский посвятил и специальное исследование.³ Автор дает здесь введение, арабский текст, перевод на русский язык и лингвистический комментарий. Рукопись представляет для него интерес прежде всего с точки зрения палеографии, подтверждающей раннюю датировку, и диалектологии, поскольку содержит, как и все вообще христианские арабские тексты, "образчики народных диалектов, которые во все эпохи значительно отличались от классического (языка. — А. П.), связанного формами Корана и древней поэзии".⁴ Если в этих двух аспектах могут быть сделаны вполне определенные выводы, то гораздо хуже обстоит дело, по словам И. Ю. Крачковского, с самой интересной и самой важной в широком смысле этого понятия стороной ее — с содержанием. "Установить точно, что такое она собой представляет, едва ли возможно с полной достоверностью. Это объясняется не только тем, что рукопись фрагментарна, но еще и тем, что в самом тексте заметна наличность первоначального остова и позднейших наслоений, которые не всегда легко отличаются".⁵

Рукопись была вывезена К. Тишендорфом из его путешествия по Востоку и впервые описана Х. Л. Флейшером. Говоря о содержании, последний сделал вывод, что это окончание какой-то легенды о победе Христа над смертью и дьяволом, где некоторые части, а именно описание торжественного входа Христа в ад, сходны с соответствующими частями апокрифического евангелия Никодима; арабское изложение только более подробно.⁶ Этот же вывод повторил и К. Тишендорф, а затем в более определенной форме — Г. Граф, назвав рукопись остатками Никодимова Евангелия и квалифицировав ее как непосредственный перевод известного греческого оригинала.⁷

Сличив арабский текст рукописи с греческим Евангелием, И. Ю. Крачковский заключил, что для столь категорического вывода нет никаких оснований. По его словам, "единственным пунктом, где мож-

но было бы заметить общность, является в нашей рукописи разговор Сатаны со Смертью, так как в греческом изводе имеется разговор Сатаны с преисподней. Однако даже самое построение этих разговоров, не говоря о более мелких подробностях, не обнаруживает никакого сходства. (В греческом изводе совершенно отсутствуют подробности про исцеление расслабленного, воскресение дочери Иаира, Лазаря и т.д.)". "Самой обработанной и красивой в литературном смысле частью рукописи является речь Смерти Иисусу Христу; между тем в греческом изводе ее нет."⁸ В результате исследования И.Ю.Крачковский предлагает считать этот памятник переделкой неизвестной греческой легенды, сюжет которой был заимствован из Евангелия Никодима.

Чтобы определить источник, к которому восходит арабская рукопись, мы обратились к сирийской литературе. Самой яркой творческой личностью в ней был известный всему христианскому миру средневековья Ефрем Сирий (ум. в 373 г.), оратор, поэт, музыкант, оказавший огромное влияние не только на сирийскую, но и на другие литературы византийского культурного круга. Его творения – и в поэтическом слове, и в музыкальном звучании – сыграли решающую роль в становлении восточнохристианской гимнографии. Его сочинения были переведены на греческий, латинский, коптский, эфиопский, армянский, грузинский, арабский и др. языки.⁹

Ефрем Сирий родился в Нисибине и много лет спустя отдал поэтическую дань своему родному городу, создав цикл "*Carmina Nisibena*". ("Нисибийские песнопения"), состоящий из нескольких десятков гимнов. Его жизненный путь подробно описан в житии, где наряду с вымышленными, порой фантастическими эпизодами, сообщаются, как это свойственно агиографическому жанру, подлинные черты реальной биографии, подтвержденные другими вполне достоверными источниками.¹⁰ "Нисибийские песнопения", о которых сообщает житие, дошли до нашего времени.¹¹ Весь цикл состоит из двух частей. Первая часть повествует о событиях, связанных с историей Нисибина, а также Эдессы и Харрана, рассказывает об осаде Нисибина в 350 г., о походе Шапура в 359 г. и т.п. Вторая же часть носит философский характер, она проникнута сильными чувствами и личными переживаниями автора.

Ю.Мартикайнен считает однако, что между этими разнородными, на первый взгляд, не зависимыми друг от друга частями, существует тесная внутренняя связь. По его мнению, сюжеты, содержащиеся во второй части цикла, в частности сошествие Христа в ад, были использованы автором как синонимический параллелизм к интерпретации истории Нисибина, содержащейся в первой части. Ефрем Сирий

брал события Священного Писания в качестве "модели", "образца" для изображения судьбы Нисибина¹² – прием, характерный для сирийской историографии вообще.¹³

Композиционно "*Carmina Nisibena*" – это сложное и совершенное произведение. Гимны носят характер драматических сюжетов, оформленных в виде завязки и диалогов.¹⁴ Одна сцена следует за другой, составляя как бы развернутую единую пьесу. Гимны с 35-го по 42-й содержат диалоги дьявола и смерти, объединенных ненавистью к Христу, речь смерти перед распятием, описание сошествия Христа в ад и т.д., то есть именно те моменты, которые нашли отражение в ранней арабской рукописи, впервые подробно обследованной И.Ю.Крачковским. Теперь остается только сравнить сирийский и арабский тексты.

Сравнение показывает несомненную адекватность указанных отрывков. Как уже говорилось, "Нисибийские песнопения" Ефрема Сирина – это цикл из нескольких десятков гимнов. Арабская же рукопись представляет отрывок единого искусно скомпонованного повествования в прозе. Однако последовательность отдельных эпизодов и границы между ними могут быть определены. Следует отметить, что удалось отождествить не весь арабский текст. Как отмечал И.Ю.Крачковский, он состоит из остова – это несомненно Ефрем – и позднейших наслоений. Возможно, это компиляция из нескольких сочинений Ефрема Сирина или из сочинений нескольких сирийских авторов. Фрагментарность рукописи не позволяет судить об этом более определенно.

Второй вывод, который можно сделать из сравнения сирийского и арабского текстов, состоит в том, что арабский – не точный перевод сирийского, а свободное переложение, и, возможно, не прямое отражение его, а передача через посредство греческого языка. На связь с греческим с самого начала указывал И.Ю.Крачковский, отмечая "резко не арабский", "варварский с арабской точки зрения", синтаксис: большие периоды, где нанизан целый ряд придаточных предложений, нагромождение относительных местоимений "который" вместо столь излюбленных классическим языком местоименных суффиксов¹⁵ и др. Нам представляется однако, что в этом случае синтаксис не может быть решающим критерием, поскольку перечисленные синтаксические особенности присущи и сирийскому языку, испытавшему на себе огромное влияние греческого. Более показательны будут, по видимому, способы передачи имен собственных, которые, как правило, первые выдают язык оригинала, однако подробный анализ языка и ономастики исследуемого памятника – задача будущей развернутой публикации.

-
- I. Хранится в Ленинграде в Отделе Рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина под шифром Ар. н.с. 263.
 2. И.Д.Крачковский. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. - Избранные сочинения. Т. I. Л., 1963, с. 22.
 3. И.Д.Крачковский. Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885-886 года по Р.Хр. - ВВ. С.-Пб., 1907, XIV, с. 246-275.
 4. И.Д.Крачковский. О работе П.Петерса "Une version arabe de la Passion de Sainte Catherine d'Alexandrie (1907)". - Избранные сочинения. Т. I., с. 345.
 5. И.Д.Крачковский. Новозаветный апокриф, с. 251.
 6. L.Fleischer. Beschreibung der von Prof. Dr. Tischendorf im J. 1853 aus dem Morgenlande zurückgebrachten christlich-arabischen Handschriften. - ZDMG. Leipzig, 1854, VIII, с. 587.
 7. G.Graf. Die christlich-arabische Literatur bis zur Fränkischen Zeit. Freiburg, 1905, с. 18. Более осторожно сказано в позднем фундаментальном издании: G.Graf. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. T.I. Roma, 1944, с. 240.
 8. И.Д.Крачковский. Новозаветный апокриф, с. 254.
 9. В.Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. С.-Пб., 1902, с. 25; Н.В.Пигулевская. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 131.
 10. Существует несколько изданий. См., например: AMS. T.III. Parisiis, 1892, с. 621-665.
 - II. Последнее издание: E.Beck. C.Nis. 1. Des heiligen Ephräm des Syrers Carmina Nisibena. (Erster Teil). CSCO. 218/Syr. 92, 1961 (Textus), CSCO 219/Syr. 93, 1961 (Versio); C.Nis.II (Zweiter Teil). CSCO 240/Syr. 102, 1963 (Textus), CSCO 241/Syr. 103, 1963, (Versio).
 12. J.Martikainen. Some Remarks about Carmina Nisibena as a Literary and Theological Source. - OChA. 197. Roma, 1974, с. 350-351.
 13. Так, например, сирийский автор Бархадбешабба Арабая (УП в.) в трактате "Причины основания школ" использует сюжеты Ветхого и Нового Заветов как модель для описания истории и устройства сирийской школы в его время. См.: Н.В.Пигулевская. Культура сирийцев в средние века, с. 50-54; С.С.Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 162, 163.
 14. П.Гредо отмечает высокое писательское и поэтическое искусство Ефрема Сирина, который, взяв в Новом Завете тему Сатаны и Смерти, побежденных воскресшим Христом (Ап. 20:10-14), умело

облек ее в форму спора между двумя противниками, приведенными к согласию третьим, одержавшим верх над обоими. П.Грело считает такой композиционный прием изобретением Ефрема, напоминая, однако, что форма диалога была широко распространена в древних литературах Месопотамии, как в шумерской так и в аккадской.

См.: P.Grelot. Un poeme de Saint Ephrem: Satan et la Mort.-OS. Fasc. 4, v.III, 1958, с. 447-449.

15. И.Ю.Крачковский. Новозаветный апокриф, с. 275.

А.Г.Сазыкин

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В "ПОВЕСТИ О НАРАНУ-ГЭРЭЛ".

Часть 2*

Описание путешествия Нарану-Гэрэл по аду в рукописях второй редакции значительно пространнее, нежели в первой редакции, и сам ад уже заполнен многочисленными душами грешников, испытывающими ужасные страдания, столь характерные для эсхатологических представлений ламаистов. Причем, это описание не является дальнейшей переработкой или разработкой первого варианта, а совершенно новый вариант. В нем есть лишь один эпизод, встречающийся и в первой редакции. Это - старушка Мэн. Всё остальное совершенно не известно рукописям речной редакции.

Ц.Дамдинсурэн характеризуя изображение ада, помещенное во второй редакции повести, пишет, что это "поистине печальный и жестокий город, подобный адам в историях о Чойджид-дагины и Молон-тойне".¹ Упоминание этих сочинений здесь вполне уместно и особенно это относится к "Повести о Чойджид-дагины", поскольку весьма значительное сходство описания самого ада, а также суда Эрлигхана позволяют предположить, что именно эсхатологическая картина, представленная в "Повести о Чойджид-дагины", послужила прототипом для автора второй редакции "Повести о Нарану-Гэрэл".

Неизвестный нам автор расширенного описания хождения Нарану-Гэрэл в ад, отказавшись от переработки первого варианта повести, не стал, однако, копировать и описание путешествия деви Чойджид, а переработал его творчески, приспособив в какой-то мере к содержанию и характеру остальной (наземной) части сочинения, где по

* Первая часть статьи напечатана в III и ПИКНБ, XVIII. М., 1985, с. 63.